

Конференция памяти О.Ф. Акимушкина

(Санкт-Петербург, 17 февраля 2021 г.)

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.17816/WMO72178

Ключевые слова: О.Ф. Акимушкин, востоковедение, Ближний и Средний Восток.

Статья поступила в редакцию 29.03.2021.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2021

17 февраля 2021 г. состоялась очередная ежегодная иранистическая конференция памяти О.Ф. Акимушкина (17.02.1929 — 31.10.2010) по широкой тематике (философия, религия, история и культура региона Среднего и Ближнего Востока). В этом году она проходила в особых условиях, связанных с пандемией. По этой причине организаторами были предусмотрены два формата участия в конференции и чтения докладов — очный и дистанционный. Последним воспользовались трое участников. Всего на конференции выступили 12 человек, представляющих ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Великобритания), University of Amsterdam (Нидерланды), Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, СПбГУ (включая Институт философии СПбГУ), Государственный Эрмитаж и Российскую национальную библиотеку (РНБ). Отрадно, что значительную часть участников составляли молодые исследователи.

Ниже представлены аннотации прочитанных докладов, которые для удобства восприятия сгруппированы по тематическим направлениям: литература народов Среднего и Ближнего Востока (литературоведение), изучение рукописного наследия данного региона, ислам и исламские религиозные учения, языкознание, история востоковедения и др. Это деление носит довольно условный характер, так как многие доклады объединяют сразу несколько направлений. Хотя на данной конференции обсуждалась и приветствовалась самая широкая иранистическая и сопряженная с ней тематика, наиболее полно в этот раз было представлено изучение рукописей, с которыми особенно тесно была связана деятельность О.Ф. Акимушкина. С этого направления мы и начинаем данный отчет.

1. Изучение рукописного наследия народов Среднего и Ближнего Востока

Ястребова О.М. (РНБ, СПбГУ) в докладе «Миниатюры мусульманских рукописей библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета» отметила, что в состав собрания мусульманских рукописей Санкт-Петербургского государственного университета, которое насчитывает почти 1500 единиц хранения, входят 12 манускриптов, украшенных миниатюрами разного времени и качества. Докладчик указала на то, что две самые ранние миниатюры находятся в недатированном списке поэмы Ахмеди «Искандар-наме» (№ 346), они были созданы в Османской Турции предположительно в середине XV в. В 1621 г. был окончен и иллюстрирован 29 миниатюрами второй том турецкого перевода «Шах-наме», осуществленного Дарвишем Хасаном Медхи по заказу султана Османа II (1618–1622). В Бухаре в середине XVII в. был создан экземпляр «Бустана» Са‘ди (№ 634) с миниатюрой, нарисованной одним или несколькими художниками, трудившимися в придворной китабхане султана ‘Абд ал-‘Азиза (1645–1680). Одна иранская миниатюра XVII в. имеется в «Хамсе» Низами 1667 г. (№ 1463). Сильное индийское влияние прослеживается в двух сильно пострадавших иллюстрациях к поэме Бафки Вахши «Фархад и Ширин», переписанной в 1602–1603 гг. (№ 1258). В кашмирском стиле выполнены миниатюры двух рукописей XVIII в.: исторического сочинения ‘Абд ар-Раззака Самарканди «Матла‘ас-са‘дайн ва маджма‘ ал-бахрайн» (№ 943) и поэмы «Йусуф и Зулейха» Джами (№ 933). Еще один иллюстрированный список XIX в. той же поэмы украшают 26 миниатюр в каджарском стиле (№ 638). Докладчик отметила, что целый ряд рукописей содержит миниатюры, добавленные к тексту значительно позже даты его переписки. Прекрасный иранский рисунок тушью, изображающий сидящего на коленях дервиша с чашей в руках, был добавлен в начале XVII в. на первой странице списка арабского астрономического трактата ал-Чагмини (№ 1207). В вышеупомянутой рукописи «Хамсе» 1667 г. с миниатюрой (№ 1463) есть еще один довольно грубо выполненный рисунок, добавленный в XIX в.

Французов С.А. (ИВР РАН, НИУ ВШЭ, СПбГУ) в докладе «Новая арабская версия предания о ниспослании Грамоты о почитании Дня Воскресного» указал, что около десяти лет назад во время работы с арабографичными рукописями Библиотеки Румынской академии в Бухаресте ему довелось обнаружить арабо-православный сборник, состоящий из 34 агиографических преданий, переписанный в Иерусалиме в конце XVIII в. Несколько включенных в него памятников были изданы или подготовлены к изданию с русским переводом, в том числе ранее не известная версия сказания об обретении сошедшей с небес Грамоты о почитании Воскресенья вместо ветхозаветной субботы (Французов С.А. Новая арабская версия сказания о ниспосланной с небес Грамоте о почитании Дня Воскресного // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2015. Вып. 5(45). С. 81–92). Это произведение житийной литературы (в широком смысле слова) представлено на арабском языке полудюжиной версий. Тем интереснее было обнаружить в составе арабо-православной сборной рукописи РНБ Ар.н. с. 91, переписанной в селении ат-Тайба под Иерусалимом в середине XIX в. для Порфирия Успенского, еще одну, наиболее пространную ее версию (fol. 87r–89v). Как выяснилось, текстологически не представляется возможным свести эту версию вместе с бухарестской и другими к одному протографу, поскольку данное агиографическое предание передавалось в арабо-христианской среде изустно, а его письменная фиксация производилась по мере необходимости в разных местах и в разное время. В языке этой версии отмечена редкая особенность, характерная для некоторых

сиро-палестинских диалектов: употребление перфектного форманта 2 л. м.р. мн.ч. *-тū* (вместо классического *-тум*).

Хисматулин А.А. (ИВР РАН) в докладе «Стилеметрическое подтверждение преднамеренного плагиата на примере *Фустат ал-'адала* (683 АН/1284-5 AD)» отметил, что текст *Сийар ал-мулук / Сийасат-нама* («Жития владык» / «Книга о правлении») до сегодняшнего дня был не единожды издан под авторством Низам ал-мулка (ум. 485/1092). Уникальный список *Фустат ал-'адала*, который по ошибке попал в тюркскую часть коллекции рукописей Национальной библиотеки Франции (BnF, Suppl. Turc 1120), был скопирован Мухаммадом ал-Хатибом в 683/1284-5 г. и обнаружен еще в середине XX в. Османом Тураном (Osman Turan, ум. 1978), известным турецким специалистом по истории Салджукидов. Однако этот текст до сих пор остается как толком не исследованным, так и не изданным, если не считать размещение в свободном доступе копии с рукописи на сайте BnF: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10082524b/f1.item.zoom>. В докладе были представлены результаты компьютерной стилиметрии с использованием программного обеспечения R-Styleo — разработки польских специалистов из Института польского языка (Краков). Эти результаты показали, что в случае с *Фустат ал-'адала* имеет место интеллектуальный плагиат, прикрытый целенаправленным редактированием с целью скрыть основной источник заимствования — первую редакцию *Сийар ал-мулук*, содержащую касиду Амира Му'иззи.

Васильева О.В. (РНБ) в своем докладе «Рукописные Кораны собрания Петра Дубровского» отметила, что собрание русского дипломата Петра Петровича Дубровского (1754–1816), составленное им за время службы во Франции и других странах Европы, легло в основу созданного в 1805 г. Отдела рукописей Императорской Публичной (ныне Российской национальной) библиотеки. Помимо огромного числа западно-европейских документов и кодексов в коллекции насчитывается около 150 рукописей восточного происхождения. Дубровский, как правило, не приобретал списки одних и тех же сочинений, но для Коранов сделано исключение: их десять. При этом в коллекции представлен «широкий спектр» и с точки зрения времени и места создания (от X до XVIII в.; Северная Африка, Магриб, Малая Азия), и с точки зрения формы (кодексы вертикального, горизонтального, восьмиугольного формата и свитки-амулеты), и с точки зрения материала письма и почерковых стилей (пергамен и бумага; чернила разного цвета; куфи, мухаккак и насх). По словам О.В. Васильевой, впечатляет разнообразие стилей оформления и изящество выполнения орнаментального декора. В неполном каталоге своего собрания Дубровский особо отметил три списка Корана, сознательно указав, что они были приобретены в Испании или Португалии. Однако, по мнению докладчика, по имеющимся признакам они происходят из библиотеки парижского аббатства Сен-Жермен-де-Пре, разоренного во времена Французской революции. Источники поступления некоторых других Коранов остаются неизвестными.

2. Литературоведение

Пелевин М.С. (СПбГУ) в докладе «Девять благословенных какаров» представил анализ короткого житийного рассказа о девяти «божьих мужах» (*mardān-i xudā*) из паштунского племени какар. Этот рассказ входит в уникальную агиографическую антологию, которая является частью сочинения *Tārīkh-i Khānjahānī wa Makhzan-i Afghānī* (1613) — первой книги по истории афганцев (паштунов), написанной на пер-

сидском языке в могольской Индии в среде индо-афганской знати. Сообщение о девяти благословенных какарах относится к тем немногочисленным материалам антологии, которые имеют прямую связь с паштунскими племенными территориями и содержат полулегендарные сведения или сказочные истории фольклорного происхождения. В образе девяти «божьих мужей» автор доклада предлагает видеть отражение популярного коранического сюжета о «людях пещеры» (*aṣḥāb al-kaḥf*; Qurʿān 18: 8/9–25/26), а также рассматривает возможные варианты прочтения фразы-заклинания на языке пашто, приводимой в персидском тексте с явными искажениями. Анализ материалов индо-афганской житийной антологии важен для изучения сложного и долговременного процесса исламизации паштунских племен.

Моисеева А.В. (Гос. Эрмитаж, ИВР РАН) свой доклад «Текст и рукопись *Анис ал-муридин ва шамс ал-маджалис*: предварительные наблюдения» посвятила рукописи из собрания ИВР РАН. Это произведение представляет собой тафсир на суру «Йусуф», написанный в мистическо-дидактическом ключе, сопровождаемый многочисленными поучительными притчами из жизни пророков и известных суфиев. Изначально этот текст приписывался знаменитому гератскому шейху Абдаллаху Ансари (1006–1089), однако позже его авторство было отвергнуто. Рукопись этого произведения, хранящаяся в ИВР РАН, была переписана в Средней Азии в 1235 г.х. (1819–1820), о чем свидетельствует запись в колофоне, помещенном в конце произведения. Она является одной из немногих известных на данный момент в мире.

Притула А.Д. (Гос. Эрмитаж) в докладе «Христианская мистическая газель? Восточносирийский литературный круг эпохи Ильханидов» отметил, что несмотря на то что Хамис бар Кардахе (вторая половина XIII в.) может по праву считаться одним из интереснейших поэтов сирийской словесности, до последних нескольких лет о нем почти ничего не было известно. Жизнь литератора была связана с г. Арбела (Северный Ирак), который в тот период был важным культурным центром. Поэт жил в эпоху государства Ильханов (Хулагуидов), когда литераторы христианского церковного круга впервые за многие столетия приблизились к царскому двору. Это привело к кардинальным изменениям характера сирийской поэзии, выбору новых тем и форм. Хамис, по словам докладчика, продолжал направление, начатое его старшими современниками Бар Мадʿани и Бар ʿЭбройо. Его творчество является ярким примером экспериментов в области формы и содержания. В докладе подробно рассматривается стихотворение, написанное Хамисом в летней резиденции Ильханов, на горе Ала-Так (Иранский Азербайджан), очевидно, под влиянием формы персидской мистической газели, популярной в этот период. В произведении использование топоса вина как символа мистической любви сочетается с явными аллюзиями на христианское ее понимание: евхаристическое литургическое применение. Очевидно, автор, бывший священником несторианской церкви, принимал участие в богослужениях, устраиваемых по приказу ханов, симпатизировавших христианству, а также их жен, которые были христианками несторианского толка. О подобных ритуалах при дворе в этот период сохранилось множество свидетельств в исторических хрониках.

3. Ислам и исламские религиозные учения

Шихалиев Ш.Ш. (University of Amsterdam, Нидерланды, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Россия) в своем докладе «Модели воспитания „идеального мусульманина“ в контексте развития суфизма в Дагестане (по материалам арабоязычных рукописей)» указал на то, что в академической науке преобладает

подход, когда сочинения по суфизму чаще всего рассматриваются исследователями как источник информации об исламе. В то же время суфизм и суфийская литература являются выражением идентичности мусульманина, который видит себя на стыке литературных моделей, личного опыта и саморефлексии в контексте того, что значит быть «идеальным мусульманином» (*ал-инсан ал-камил*). Докладчик отметил, что суфизм — это и важный инструмент в воспитании «идеального мусульманина», нацеленный на личный индивидуальный опыт человека, и может рассматриваться как модель поведения мусульманина в обществе. Настоящий доклад основан на статистическом анализе нескольких рукописных коллекций Дагестана, отражающем распространение в Дагестане рукописей по суфизму определенных авторов в их хронологическом срезе. Исследованный материал показывает не только распространение сочинений того или иного автора, но и то, как суфийские сочинения определенных авторов вытеснялись другими. Такая смена репертуара сочинений по суфизму в Дагестане показывает разнообразие и смену одних моделей другими. Причем каждая из этих поведенческих моделей суфизма, отличающаяся от иных ориентированностью на разные концепты (этика, ритуальная практика, связь с нормативными исламскими практиками и пр.), являлась определяющей моделью воспитания «идеального мусульманина» в конкретный исторический период.

Эшотс Я. (Институт исмаилитских исследований, Лондон) в докладе «Анри Корбен как исследователь исмаилизма» отметил, что Анри Корбен полагал, что ключевую роль в исмаилитском призыве (*да'ва*) играла эзотерическая философская доктрина, благодаря посвящению в которую adept воскресал в вечной жизни. Духовное воскрешение неопита осуществлялось посредством *та'вйла* (букв. «возведение к первооснове»), символического толкования буквы Писания.

Корбен, указал докладчик, разделял исмаилитское положение, согласно которому, религия в ее чисто духовной ипостаси, *хакйика*, стала недоступной человеку со времен Адама, первого пророка настоящей эры истории человечества, «эры сокрытия» (*давр ал-сатр*). На протяжении этой эры духовные истины открываются человеку только посредством символов. Задача исмаилитской иерархии в данный период — обеспечить устойчивое равновесие между внешним и внутренним, между системой гностицистического (сокровенного и спасительного) знания и внешней религией, между эзотерическим братством и государственным и/или «церковным» механизмом. Зиждущаяся на принципе взаимного соответствия миров (*тав'азун ал-'ав'алим*) исмаилитская герменевтика транспонирует всякое историческое или легендарное событие на духовный или инициатический уровень.

Тремя ключевыми темами исмаилитской мысли, согласно Корбену, являются диалектика *тавхйда*, «драма на небе» и цикличность времени (его разделение на большие и малые «эры», или периоды). Диалектика *тавхйда* заключается в синтезе отрицания всякого атрибута твари по отношению к творцу и отрицания этого отрицания. Под «драмой на небе» следует понимать неповиновение третьего интеллекта (проявившееся в его отказе признать превосходство второго интеллекта и в почитании первого интеллекта в качестве творца), его «падение» на низшее, десятое, место в иерархии разумов и последующее возникновение и эволюцию материального мира, в частности «земного» человечества, с целью искупления его проступка. Это космическое «искупление» состоит из чередующихся «действий», или эр, сокрытия и раскрытия. Настоящая большая эра включает в себя шесть меньших эр законодательного пророчества, вместе образующих «ночь религии» (*шаб-и дйн*), на протяжении кото-

рой «солнце имама» скрыто покровом религиозного закона. В конце эры ночь сменится днем, т.е. прямым правлением имама, без посредства религиозного закона. «Вечный имам», или божественный логос, на протяжении истории человечества являет себя в последовательной череде особей.

4. Отдельным темам — языкознанию, истории востоковедения и проблемам белуджей — были посвящены три следующих доклада.

Лурье П.Б. (Гос. Эрмитаж) в докладе «Богиня Хшум от Хорезма до Кафиристана» представил анализ соответствия имен богинь: согдийского и хорезмийского (*ə*)*Xšum*, бактрийского *Ромауо*, *Оцма*, с одной стороны, и кати *Kuṣum'āi*, калаша *Kuṣumai* — с другой. Докладчик предположил, что это варианты одного и того же иранского теонима, в кафирские и дардские языки он был заимствован из восточноиранского, протомунджанского **Xšumá*. В докладе анализировались предложенные этимологии имен богинь, возможные совпадения их ролей в пантеоне, критически пересматривались предложения по их иконографии.

Победоносцева-Кая А.О. (СПбГУ, Восточный факультет) в докладе «Наука на службе революции: курдовед Ф.Б. Ростопчин (1904–1937)» указала на то, что развитие советского курдоведения проходило в контексте противоборства идей мировой революции и государственных интересов советского государства. Доклад рассматривает яркий, хотя и недолгий жизненный путь Федора Борисовича Ростопчина (1904–1937). Его активная поддержка «революционизации Востока» привела Ф. Ростопчина к изучению персидского языка и сопутствующих дисциплин в Московском институте востоковедения им. Нариманова и работе в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. Сталина. В 1931 г. Ф. Ростопчин был направлен в Институт востоковедения АН СССР, где участвовал в коллективных работах по описанию персидских рукописей, написал ряд статей в соавторстве с О.Л. Вильчевским, также Ф. Ростопчиным был начат перевод истории курдов Шараф-хана Бидлиси на русский язык. Докладчик отметила, что победа концепции «строительства социализма в одной стране» приводит в 1930-е годы к репрессиям в отношении курдоведов и отражается на развитии курдских исследований. Тяжелее всех репрессии ударили по тем, кто тесно контактировал со структурами Коминтерна. В 1935 г. Ф.Б. Ростопчин был впервые арестован и сослан в Ташкент, где занимался переводом документов из архива джуйбарских шейхов — важного источника по социально-экономической истории Средней Азии. После второго ареста в 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в том же году. А.О. Победоносцева-Кая отметила, что настоящий доклад основан на ранее не использовавшемся архивном материале.

Носов В.А. (Институт философии СПбГУ) в докладе «Белуджский сепаратизм в Пакистане» указал на то, что сепаратизм белуджей Пакистана имеет давние корни, трудности с поддержанием полноценного контроля испытывали и британская колониальная администрация, и в новейшее время пакистанское центральное правительство. На территории Белуджистана в настоящее время действуют и катализаторы, и ингибиторы сепаратизма. Налицо факторы, способствующие обострению сепаратизма, такие как ограничение возможностей местной элиты влиять на политическую жизнь региона, массовая миграция на территорию традиционного расселения белуджей, попытки эксплуатировать ресурсы региона без учета политических и экономических интересов коренного населения, длительная история ущемления их со стороны центральной администрации и постоянное применение ею репрессий. Напротив,

негативно на перспективы сепаратистского движения влияют такие факторы, как дисперсность расселения белуджей, раздробленность общины по трибальным, социальным и экономическим признакам, отсутствие у элиты общины единого понимания, чего именно следует добиваться, и неготовность различных ее сегментов действовать сообща. Неоднократно предпринимались попытки объявить проекты создания независимого Белуджистана делом рук сверхдержав и региональных игроков, но, как отметил докладчик, обычно без всякой серьезной доказательной базы. По-видимому, исключая внезапные и масштабные перемены геополитического положения региона, сепаратизм белуджей в Пакистане останется в обозримом будущем маломасштабным и слабо заметным извне явлением и, возможно, инструментом давления региональных элит на федеральные.

В заключение следует указать, что сложные условия пандемии не помешали проведению данной ежегодной конференции, которая на этот раз проходила точно в день рождения О.Ф. Акимушкина. Ее успешная работа даже в нелегких обстоятельствах высвечивает усиленный интерес специалистов к данному научному форуму.

Conference in Memory of O.F. Akimushkin

(St. Petersburg, February 17, 2021)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 2 (issue 45), pp. 133–139)

Received 29.03.2021.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: O.F. Akimushkin, Oriental Studies, Near and Middle East.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).